

Запах хлеба

Я снова хочу убежать в детство, в воспоминания далёких лет, где оживают не только тяжёлые военные, но и счастливые мгновения тех дней, когда мы с таким упоением играли в войну в глубоких снегах нашей прекрасной деревеньки малой Родины, засыпанной снегом почти до крыш, в тылу у Тихвинского фронта и встречали долгожданную и выстрадавшую народом Победу.

Но что наделала война? Она разлучила нас с отцом. Как мне всегда не хватало всю жизнь его разумных и добрых слов, полезных советов, его защиты от многих бед и несчастий. Вся моя жизнь, вероятно, могла бы сложиться по-другому, будь он с нами рядом. Она лишила нас беззаботного и безоблачного детства и юности, заставила с младых ногтей познать тяжкий недетский труд в колхозе и дома и цену куска хлеба.

Говорят, раньше и хлеб был вкуснее, и морковь слаще, и даже солнце светило ярче, и облака были голубее. Нет, не изменилось наше светило, и облака яркость и голубизну не потеряли, а вот что хлеб был вкуснее для нашего поколения,

пережившего страшную войну, – это точно. А особенно хлебный запах, ни с чем несравнимый, никаким эпитетом непередаваемый аромат пекущегося хлеба для полуголодных детей войны. Этот запах остался с нами на всю жизнь. По его запаху мы знали в какой избе он сидит в печи и старались забежать в этот дом под любым предлогом: якобы, мать послала за закваской для опары или щепоткой чая. Малому дитю в куске хлеба никто не отказывал, если он был. На вкус он был разный в те годы. Горьковатый из ячменной муки, рассыпающийся в крошку – с гороховой, упругий и слегка резиновый – из крахмала и тёртого картофеля. Но независимо от добавок, как была вкусна краюшка хлеба в моих руках, лишь бы она была почаще в них (мечтала я), посыпанная крупной солюшкой да со стаканом молока с душистой земляникой, которую мы собирали на лугу, где наши матери косили траву, а мы помогали её ворошить.

При наступлении полуденной жары собирались в тенёчке или в шалаше, расстилали домотканые чистые тряпицы и садились все вместе кушать. Отварная в мундире холодная картошечка с зелёными сочными перьями дикорастущего лука, хрустящий молодой огурчик, разрезанный пополам и натёртый солюшкой с большим куском житного чёрного хлеба, что могло быть в мире ещё вкуснее в те времена! А хлеб, принесённый мамой в котомке из города, куда она с попутной оказией увозила на продажу несколько мешков махорки, выращенной и сделанной с таким трудом ею и нами детьми, и где целый мешок у неё однажды спёрли воры, расплотившиеся в несметных количествах в годы войны, уже не шёл ни в какое сравнение с лучшими яствами мира. Полугодовой труд целой семьи был в те годы эквивалентен небольшой котомке пеклеванного хлеба, купленного мамой на вырученные от продажи махорки деньги и почти налегке

принесённый ею за плечами нам – детям. Наше поколение помнит эти котомки – холщовый мешок, в углы которого вставлялись две картофелины или камешки, их туго завязывали верёвками или ремнями и закручивали на горловине, образуя заплечные ремни.

В послевоенные голодные 1946–1947 годы по весне (пока не пойдёт подножный корм) все сусеки выметали на сто рядов. За счастье считали достать овсяные отруби, замачивали и заквашивали их на сутки, процеживали в чугунок и заваривали, бросая туда раскалённый в печке у огня валун, получался густой кислый кисель с трещинами на поверхности, ели его с молоком. Лепёшки стряпали из белого болотного мха, на котором растёт клюква, или из мягкой сердцевины подсолнухов. Макушки цветущего красного клевера замачивали молоком. Избыток клетчатки вызывал страшные запоры, часами сидели в уборной на повети. Помню опухшую сестру Лиду, лежащую без сознания на койке. Длинные распущенные волосы мечутся по подушке. Как её удалось спасти, не помню. Но многих стариков деревни отнесли тогда на погост. Видимо, они старались накормить в первую очередь своих детей и внуков, не думая о себе.

И не только хлеба

В северных районах страны в военные и послевоенные годы сеяли лён-долгунец. Не найти мне подходящих слов для цветущего поля льна. В нём очарование цветущей юности ранним утром и грусть увядания к полудню, когда к пику жары он закрывает лепестки, а с восходом солнца поле, как по мановению волшебной палочки, снова всё становилось голубым; в нём пронзительная синь июньского неба и голубая гладь северных озёр; в нём неброская ситцевая красота суровой русской природы и чистые открытые голубые глаза

русских детей и умудрённые глаза стариков. В нём . . . . можно продолжать и продолжать сравнения до бесконечности, но равнозначного подобия чему-то и кому-то цветущему льну всё равно не найти.

Льняная нить была востребована и государством, и крестьянами (жили на самообеспечении – натуральным хозяйством – ни денег у крестьян, в деревенских магазинах было шаром покати). Единственный колхозный полуфабрикат – льняная треста, тогда слегка оплачивался государством. Ткацкие станки, мялки и прялки были в каждом доме. На уборку льна выходили всем миром: и стар и мал, всем живым составом деревни. Школы прекращали занятия. Лён только дёргали, а не жали, чтобы убереечь всю длину волокна. Вязали снопы, ставили их в суслоны для просушивания, а затем отвозили на гумно (рига), где ещё доводили до кондиций на сушилке, аккуратно обмолачивали, а стебли везли на низкие пойменные участки реки, где расстилались рядами, и под действием солнца, ветра и осенних частых дождей они вымачивались и размягчались, превращаясь в тресту.

Лён, выращенный на домашнем участке сельчан, проходил ту же технологию, что и колхозный. Только сухую тресту потом отстукивали ручными мялками, удаляя кострицу и получая паклю – куделю. Зимой пряли из кудели пряжу, а затем на ручных станках ткали холст. В начале марта расстилали холст по снежному насту для отбеливания на ярком весеннем солнышке и шили из него полотенца, порты и рубахи.

Льносемя просушивали, даже чуть прожаривали для запаха, в русской печке, а потом толкли в большой деревянной ступе, похожей на ступу Бабы Яги, выдолбленной из цельного толстого дерева большим тяжёлым и высоким пестом. Чем лучше протолчешь, тем больше выдавится масла. Мы, дети, часами толкли его по два человека, одному ребёнку было

не под силу. Затем давили толчёнку в колодах. И колоды, и ступы, и жернова для размола зерна стояли на поветях. На всю деревню было две колоды – у Гали Балагуровой и Нины Поматиловой. Колода имела простое устройство из толстых деревянных чурок, от давности употребления отполированных и пропитанных маслом. Толчёнку в холщовом мешке зажимали между двумя деревянными болванками и клином сжимали их, внизу ставили посуду для сбора масла. Мы всегда суетились рядом, как и при любой крестьянской работе, чтобы побыстрее попробовать ещё тёпленького свежего масла из нового урожая. Нам наливали его в блюдце, и мы макали чёрным хлебом с солью, а чаще за неимением хлеба – варёной картошечкой с лучком. Вкуснятина – жёлтое, янтарное, чуть с горчинкой, как сейчас оливковое масло, только гораздо ароматнее его. Мой нос и через года помнит этот запах. А выжимки – жмых – казался ещё вкуснее, всё съедали до крошечки. Урожай семян льна с небольших приусадебных участков был невелик. Масла хватало не надолго, только для приготовления пищи по великим праздникам. Изредка зимой на столе появлялись с блинами или картошкой бараньи и свиные шкварки (выжарки).

Всё для фронта, всё для Победы

Помню, как наши матери жали серпами жито (конные косилки появились после войны позднее). Это были чёткие и отточенные, ловкие и быстрые, сильные и несчетные движения жницы: левой рукой берёт столько колосков, сколько может захватить рука, правой рукой, в которой серп, делает молниеносный взмах, кладёт их около левой ноги, несколько таких взмахов и уже готов пучок для будущего снопа, из него берётся небольшая прядь колосков, завязывается и разъединяется пополам, получается перевязь для снопа. Затем берёт

этот пучок, зажимает его между ног вперёд срезанными концами, туго завязывает их перевязью и отбрасывает готовый сноп налево. И так жницы идут друг за другом на небольшом безопасном расстоянии между собой. Очень красивое зрелище. Мы, дети, идём следом, по возможности каждый за своей матерью, собираем снопы и ставим их пирамидкой колосками кверху, нахлобучиваем на них растопыренный сноп от дождя, как зонт, получается суслон. Помогаем зарабатывать своим родителям часть трудодня. Суслону не страшны никакие ветра и дожди – зерно дополнительно и проветрится, и просушится. Когда поле всё сжато, их складывают в огромные скирды. Моя мама часто брала меня с собой сторожить их, чтобы не оставлять меня одну дома ночью, а утром, надеясь на мой крепкий сон, рано уходила топить печь, обряжаться. Ночи уже были холодные, и мы закапывались поглубже в скирду. Не знаю, боялась ли она воров или нет, но виду мне не показывала, а мне с ней было ничего не страшно, тепло и уютно.

Вся деревня, кроме грудных детей и больных стариков, была на гумне. Там стояла молотилка, приводимая в движение лошадью с помощью ремённой передачи. Лошадь ходила по кругу и крутила колесо, гонять её было приятной обязанностью маленьких ребятишек и подростков. Свободные от жатвы женщины на утрамбованной и чистой площадке гумна обмолачивали зерно цепами. Мы, дети, подтаскивали снопы не только им, но и к молотилке, и на сушилку, в печку которой по пути подкидывали дрова. Сушилка – это тёмное закопчённое без окон помещение гумна с дверью, большой печью и полатями, где сушили снопы хлеба и льна. Тёмное закопчённое жуткое место мы считали его обиталищем чертей – гуменников и ведьм, и по окончанию страды туда не заходили без взрослых, но знали, что деревенские девушки

там на святки гадали. Если мохнатая рука пощупает – будет богатый муж, если голая – будет бедный. Бань, где обычно гадали русские девушки с незапамятных времён, во время войны у нас в деревне ни у кого не осталось.

Весь световой день, а иногда и далеко за полночь, на гумне кипела работа. Часто во сне я вижу наше гумно за деревней и кучу лежащих снопов у молотилки. От этого – главного в деревне строения – уже давно не осталось даже холмика, даже завитанья, но по приезду на мою Родину детства, куда бы я не шла, голова моя непроизвольно поворачивается в ту сторону. Сквозь слёзы я вижу миражи той поры: валит чёрный дым из сушилки; скрипит ворот молотилки; равномерно постукивают цепи женщин, а над ними клубится серая пыль; на чистых утопанных площадках гумна лежит кучами золотое зерно пшеницы, серебро жита и ячменя и шёлк льносемени. А вот наши матери запылённые и усталые, но молодые и сильные, идут мне навстречу, идут в вечность.

После жатвы с полей собирали колоски всей школой, обходили их по два раза. Ни одно зёрнышко не должно пропасть и попасть на еду крестьянам. «Всё для фронта, всё для Победы». С собой не разрешалось взять ни единого колоска, сажали в тюрьму за горсть зерна.

Долгие зимы в те годы мне запомнились ещё чем? Все члены семьи были заняты работой с картофелем – мыли, варили, чистили, тёрли, резали, сушили, ручонки были все в порезах от тёрки. Большое количество её переводили на крахмал для киселей и калачей и продажи на рынке в городе стаканами, как и махорку. Сушёную сдавали в большом количестве для фронта, поэтому весной не всегда её хватало на посадку, шли в дело очистки и глазки.

Ближе к весне сорок шестого года мама ушла на огород откапывать яму с картофелем, вдруг слышим страшный от-

чаянный крик. Что случилось, не поймём, побежали туда, оказывается, вся картошка в яме сгнила. А это много мешков и на еду весной и летом, и на посадку. У нас дом был двухэтажный, и поэтому не было в нём подвала, хранили картофель в ямах, которые копали осенью в сухую погоду, дно и стены обкладывали снопами ржаной соломы (а рожь на вологодчине растёт высотой больше метра). Высыпанную в яму картошку сверху закрывали толстым слоем соломы и выкопанной землёй, которая не промерзала глубоко даже за всю зиму, благодаря обильным в те годы снегопадам. Большинство односельчан хранило картофель в них, и никогда она не мёрзла, видимо, её в тот год «съела» фитофтора. Как мама выкрутилась из этой патовой ситуации, я уже не помню, но сажать её опять пришлось глазками и очистками. А на лепёшки вместо хлеба по весне собирали на только что оттаявших полях перемерзшую гнилую картошку, мяся вязкую суглинистую землю и оставляя там давно износившиеся подошвы старых сапог.

Подножный корм

Но как-то надо было выживать. Продукты леса, рек, лугов и болот (подножный корм) являлись основным, а зачастую и единственным подспорьем в питании сельчан. В детстве всегда хочется кушать, юный организм требует для своего роста растительных и животных белков и углеводов, не считаясь с войной и всякими катаклизмами. Растительные белки деревенские дети старались восполнить на колхозных полях, свои огороды были заняты посевами (в виде небольших заплат) ржи, льна, проса, картофеля, для других овощей оставалось мало места, на трудодни практически не давали ничего, да и сам трудодень было заработать не просто.

Мы, деревенские дети, собирались ватагой и выбирали место на гороховом поле недалеко от кустов, чтобы быстрее

скрыться от объездчика. Он был, как правило, на коне и с плёткой, далеко не убежишь, а в густых зарослях кустов ему нас не достать. Зелёные стручки гороха клали за домотканые рубашонки, перевязанные верёвкой. У молодых стручков не выбрасывали даже крышки, чистили их от восковки, иногда замачивали в воде, они интересно и разнообразно закручивались, как рога у баранов, и от того казались нам ещё слаще. Ели всё, что растёт на лугах и в лесах – и пучки, и сичины (разновидность съедобного камыша), и щавель, и заячью капусту, и дикий лук, и дикорастущие ягоды, поэтому, видимо, и выжили на природных витаминах.

Когда на колхозном поле поспевал горох, делали на нём небольшую площадку, утаптывали её и палками молотили гороховые плети. Но часто увлекались этим мероприятием и не замечали коня с объездчиком. Тут мы разом рассыпались горохом в разные стороны, но кому-то одному из нас перепадало плёткой или нагайкой, а остальные скрывались в кустах, но зачастую он просто сердито кричал для острастки, не трогая нас и жалея. А уж колхозный турнепс мы ели сколько хотели. Поля с ним почему-то никто не охранял, и сеяли его тогда по всей стране, наверное, так старались повысить удои коров и привесы свиней.

И вороньи, и сорочьи гнёзда зорили также без ограничений. В лесу ещё лежит снег. Лёд на реках только что прошёл, и вот-вот начнётся разлив – половодье. На полянах уже расцвели чудные подснежники и зеленеет вечнозелёная заячья капуста. Мы перебираемся по лавам (длинные бревна, скреплённые скобами и положенные поперек реки) на ту сторону реки Шингарь к церкви Никола и лезем на берёзы, ольхи и ракиты для проверки яиц в гнёздах, которые на голых деревьях видны издали, а затем печём их на оттаявшей поляне в костре. После долгой и не очень сытной зимы – это доставляет нам

большое удовольствие – и развлечение, и игра, и весёлое и полезное времяпровождение, а главное – еда.

Ещё раз о маме

Много специальностей было в колхозе у мамы – и свиарка, и птичница, и овощевод, и пекарка, и жница, и косарь, и скирдометатель, и сторож, при чём некоторые из этих обязанностей в течение суток плавно перетекали друг в друга. Напротив нашей деревни на том берегу реки Шингарь стоял курятник, мне он казался тогда огромным и недостроенным, а вокруг весь луг был белым от перьев и высохшего помёта кур. Куры неслись в самых неподходящих местах – в густых зарослях крапивы или под птичником, куда взрослый человек даже тощий ни под каким предлогом не мог пролезть, приходилось эту работу выполнять нам, детям. В узком и грязном пространстве между полом и землёй и мы не раз и не два застревали, да ещё и яйца при этом надо было аккуратно выгашить, не разбив их. С тех пор я боюсь замкнутого пространства – в городских метро и лифтах на меня нападает, выражаясь научно, клаустрофобия.

Какие только эксперименты не проводили в нашем колхозе! Разводили коров, овец, лошадей и свиней. На весь Союз гремела в нашем районе свиарка Люскова, на которую работала в том числе и наша мама. Весь приплод, который получала от свиноматок мама, записывали в её актив. У нас на стене в рамке долгое время висела Почётная грамота с ВДНХ. Маме дали грамоту как участнику выставки, хотя она в Москву не ездила. Так создавались до войны и после неё маяки производства. И что характерно, из среды зажиточных крестьян (маминога отца раскулачили) выходили хорошие колхозники. Русские крестьяне всегда тяготели к общине.

А сколько горя мы, дети, вытерпели от этих свиней. Когда мама с другими колхозницами угоняла гурты свиней в Во-

логду на мясокомбинат, я и сестра Рита оставались за неё на свинарнике. В это время свиней кормили клевером, который мы сами и косили. Даже мужчинам клевер косить очень тяжело, а для нас – девочек-подростков – это была непосильная работа. Мы сами запрягали старого куражистого и хитрого, но любимого нами, мерина по кличке Копчик – он как бы играл с нами по несколько раз приходилось заводить его в оглобли, а он каждый раз переступал их и отворачивал «корму» в сторону. Косили и грузили траву на телегу и везли на свинарник, где кидали тяжеленные охапки клевера в высокие клетки орущим, голодным и злым пороссятам. Попеременно, меняя кормление клевером и травой с картофельной болтушкой, у свиней нарастал то слой мяса, то слой сала. И мама часто сдавала своих подопечных на бекон, и не раз получала за хорошую работу после войны премии живыми маленькими молочными пороссятами на откорм в личное хозяйство, а до войны однажды вручили даже плуг и борону, с помощью которой, запрягшись по несколько человек, наши матери боронили свои огороды.

В жаркие дни мы выгоняли поросят пастись на подножный корм в излучины рек и вставали в узком перешейке, чтобы видеть всё стадо и не пускать его на колхозные и крестьянские поля. Поросята, как бегемоты, закапывались в любимом ими илистом мелководье. Через некоторое время им это «лечение» надоедало, нападал жор и тут же находился среди них вожак-заводила и выводил их на «чистую» воду, лично показывая им свой пример плавания «брасом», приглашая переплыть на тот берег, на частные огороды, где росла сладкая и вкусная молодая картошка. И огромного труда нам с сестрой Ритой стоило их выгонять оттуда, по пути выслушивая разные нелестные эпитеты в наш адрес и обжор-поросят. А супоростные свиноматки перед опоросом убегали в укромные

места, в непроходимые кусты и кочкарники, и мы их искали по нескольку дней, плача и трясаясь от страха за маму, что её могут упечь в тюрьму за недостачу, оставив нас круглыми сиротами. Но по приезду её поросюхи находились, как по мановению палочки волшебника, выходя с целым выводком поросят на мамин голос.

А как мама гоняла гурты свиней в областной город со своими подругами? Я навсегда запомнила её рассказы. Она родилась и выросла в деревне, где не было реки, а только пруд, поэтому плавать не умела. А многокилометровый путь в Вологду пересекал не одну реку и ручьи. И самая крупная река перед городом Лежа – приток Сухоны – была для неё особенно страшной. Моста тогда через неё не было. Поросята перед этой водной преградой вставали как вкопанные и не хотели заходить в холодную осеннюю воду или разбегались далеко от переправы, иногда надолго теряясь при этом. Подолгу приходилось их искать и вновь, и вновь загонять в реку, а самим переплывать эту водную преграду на плоту. И как только в очередной раз мама эту реку видела перед собой, так сразу от страха её настигало скоропостижное расстройство желудка и кишечника.

Мне река Лежа в детстве по маминым рассказам представлялась огромной и дикой с быстрым течением и ревущими водами, но, увидев её (будучи взрослой), я изменила своё мнение – она оказалась равнинной спокойной рекой шириной с нашу сибирскую Иню в районе станции Крохаль, но я до сих пор не представляю, как бы я теперь через неё стала переправлять стадо свиней без моста и брода.

У детей была одна забота и мечта – расти в родном доме в тепле и сытости вместе с мамой. Больше времени тратить на игры. А для наших матерей без мужчин навалилась куча проблем: напоить, накормить, обути, одеть нас, трудиться день и

ночь не только за себя, но и за ушедших на фронт мужей – и за того парня, и за своего сына. Что наделала война! Сколько она порушила семей, изломала вековой крестьянский уклад. За долгие годы войны и жизни без семьи некоторые мужчины отвыкли от жён и родных детей. Постоянная угроза жизни, картины смерти каждую минуту меняли у них отношение к семье и своим обязанностям перед ней. Многие мужчины пришли пристрастившимися к водке, до войны такого пьянства в деревнях не было.

После войны отец бросил маму с семьёю детьми. Воевал с японцами, финнами и немцами, пришёл с войны в мае сорок пятого года и спустя несколько месяцев ушёл от нас. Награждён орденами Славы и многими медалями. Шестнадцать лет прожили они до войны в мире, согласии и любви, родили семерых детей. Разве можно без этого родить столько детей?! Маминому отчаянию не было предела. Только чудом мы не остались сиротами дважды. Когда наступила голодная зима 1945–1946 года, она решила утопиться в проруби. Легла на край её и, видимо, уже хотела нырнуть, как вдруг кто-то взял её за воротник фуфайки и, удерживая, сказал: «Иди домой, там тебя ждут ещё четверо малых детей». К тому времени двое старших детей уже выросли, одна дочь одиннадцати лет погибла, а сын успел повоевать и жениться. Что это было и кто – непонятно? Наверное, господь. Эту историю она рассказала нам, когда мы были уже все взрослыми. Но однажды, возвращаясь домой из свинарника в безлюдный поздний час, осенней дождливой тёмной ночью, поскользнулась и упала в омут, которого мы все боялись, и не напрасно – там была турбулентная воронка. Хорошо, что из соседнего села возвращалась Тоня Сорокина, услышала крики о помощи и спасла маму. Как тяжело ей было одной поднимать нас на ноги. И только, будучи взрослыми, мы поняли всю тяжесть этой

ноши. Если бы не было войны, как бы счастлива была мама и, может быть, пожила бы подольше на нашей земле. Когда мы отмечали ей семидесятилетие, я спросила у неё, любила ли она своего бывшего мужа. Ответ был неожиданным для меня: «Я люблю его до сих пор». Поющую маму я не видела и не слышала в годы войны и после неё ни разу, хотя все говорили мне, что у неё прежде был красивый голос. Видимо, заботы и горе навсегда придавили её интерес к пению, хотя нашу любовь к нему она всегда поощряла и пестовала, гордилась нами, любила слушать нас, Лидию Русланову и Анну Герман, а особенно песню «Один лишь раз».

Как плакала мама, когда у нас погибала корова – кормилица наша – в середине июля в самую жару. Успели её зарезать, но продать мясо в городе, до которого надо было ещё плыть на колесном пароходе всю ночь, не смогли, оно потеряло товарный вид, и его пришлось раздать городским родственникам и знакомым в качестве гостинцев. Это была у нас последняя корова на вологодской земле.

А мамины дочки, мои сёстры, уже подрастали, и надо было думать об их замужестве. С сыном было проще – его с радостью взяли в примаки – женихов тогда не хватало, и затем он купил себе небольшой домик. А своим девкам, как она нас по-деревенски называла, всегда находила какую-то возможность купить или достать что-то новенькое – или резиновые ботики, или платишко, или туфельки, конечно, благодаря её непосильному труду и предприимчивости. Не раз повторяла при разговорах: «Хорошие у меня дети выросли – и сын, и девки. Ими я счастлива». Благодаря маме, добавляю я.

Военный и послевоенный десерт

Все дети очень любят сладкое, и мы не были исключением. Наши мамы старались восполнить его недостаток разными

хитростями, изобретая блюда из обычных овощей. Кочанную капусту резали большими кусками, плотно укладывали в чугун, закрывали и ставили в протопившуюся печь до вечера. Коричневую, ароматную и сладкую пареную капусту мы все с удовольствием поедали. Также поступали с морковкой, репой, тыквой и свёклой. Варёные и резаные сахарная и обычная бордовая свёкла, разложенная тонким слоем на противни, сушилась в вольном жаре печки, превращаясь в вяленый сладкий десерт. При этом она становилась гораздо слаще, и мы её с удовольствием грызли и сосали вместо конфет. Иногда маме удавалось после продажи махорки и крахмала привезти сахар, она из него и клюквы делала леденцы. А если была «дунькина радость», вожделенные карамельки-подушечки, что было угощением по большим праздникам, но до их пришествия она пряталась в укромных местах, то мы почти всегда, находили и уменьшали эти запасы до неузнаваемости. Особенным нюхом у нас отличалась сестра Лида, от неё ничего невозможно было спрятать, всегда найдёт, но к её чести и в защиту надо сказать, найденным кладом она всегда с нами делилась.

Мы к вам травую прорастём

Что спасло нашу страну и русскую цивилизацию от порабощения и исчезновения в ту страшную войну? Некоторые исследователи считают, что это было чудо, божественное чудо. А я считаю, что нас спасли единство и соборность, присущие русскому человеку и передаваемые из поколения в поколение нашими предками в генах – наш менталитет, как сейчас говорят. Наша деревня (и вся страна) жила одной большой семьёй. Всё было общее и радость, и горе. Все вместе оплакивали погибших и с радостью встречали живых Победителей, но которых к великому сожалению было так

мало. Выстояли в тылу, невероятными трудом и доблестью ковали Победу – Священную Победу, общую, одну на всех, за ценой не стояли. Не забыть историю и героев войны и тыла, не допустить подобной трагедии – вот задача наших сыновей и внуков, не знающих и не видящих всех ужасов, которые пережили мы – дети войны. И дай Бог им никогда не увидеть, а мы в своё время «прорастём к ним травой» и будем радостно наблюдать с небес за счастливой и процветающей Россией.

